

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ КАК СРЕДСТВА АРГУМЕНТАЦИИ

Н.А. Колотилова

Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

n_kolotilova@ukr.net

В статье рассматриваются риторические фигуры в контексте теории аргументации – как способы обоснования позиций собеседников по схеме сравнительной аргументации и в контексте прагматики – как способы убеждения вследствие рождения смысла в разумах участников диалога.

Ключевые слова: риторическая фигура, литота, семантика, прагматика, схема аргументации.

В последние десятилетия в сфере так называемого прикладного логического знания все более возрастает интерес к исследованию особенностей аргументации, влияния, убеждения в различных сферах как профессиональной деятельности (реклама, образование, политика, юриспруденция, бизнес и т. п.), так и в повседневном общении. Именно обращение к повседневному общению, к особенностям аргументации в гуманитарной сфере стимулировало в определенной мере и возрождение риторики в середине прошлого столетия. Классическая же риторика считалась завершенной дисциплиной еще в XIX веке. Одной из главных причин ее упадка можно считать ее синкретический характер. Ведь с момента формирования этой дисциплины еще в античный период риторика стремилась исследовать все этапы построения публичной речи от замысла до его исполнения с целью определенного влияния на аудиторию. Некоторые разделы риторики постепенно отошли к другим гуманитарным дисциплинам, прежде всего филологическому циклу, что и привело к идеям о ненужности самой риторики.

Действительно, пятичленный канон классической риторики (инвенция, диспо-

зиция, элокуция, мемория, акция) выступает некоторой моделью ораторской деятельности. При этом наиболее разработанным был третий раздел – элокуция, отвечающий за выразительность ораторской речи. Еще в античные времена были предложены критерии касательно словесного выражения: правильность, ясность, пышность, уместность. Известный исследователь истории риторики М.А. Гаспаров писал: «Правильность означала верное соблюдение грамматических и лексических норм языка. Ясность означала употребление слов общепонятных в точных значениях и естественных сочетаниях. Уместность означала, что для каждого предмета следует употреблять соответствующий ему стиль, избегая низких выражений при высоких предметах и высоких при низких. Пышность означала, что художественная речь должна отличаться от обыденной необычной благозвучностью и образностью...»¹

Соответственно, ядро элокуции составляет учение о риторических фигурах и тропах. Именно они являются теми средствами

¹ Гаспаров М.А. Античная риторика как система // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. – М.: Наука, 1991. – С. 39.

выразительности речи, которые отвечают за пышность. Вместе с тем четкое определение риторических фигур в классической риторике так и не было сформировано. Общепринятым было (и, по существу, остается по сей день) рассмотрение их как некоторых отклонений от норм, считающихся естественными в общении, хотя подобное толкование вызывало множество нареканий еще у представителей классической риторики. Более удачным может быть рассмотрение их как отклонений от обычного способа выражения с целью достижения эстетического эффекта. Тогда становится очевидным, что именно использование риторических фигур в речи соответствует критерию пышности.

С другой стороны, поскольку риторические фигуры возникают вследствие разнообразных отклонений, то подобных выражений можно насчитать очень много. Это было сделано еще в античный период: «...действительно, накопление наблюдений, начавшееся еще при софистах, благодаря усердию риторов, уже в эпоху эллинизма нагромождало огромное количество этих фигур, которые было очень легко как-нибудь назвать, труднее определить и еще труднее систематизировать. Сколько-нибудь удовлетворительная систематизация их не далась никому из теоретиков Нового времени; все они то и дело сбиваются на беспорядочное перечисление»².

Таким образом, хотя учение о риторических фигурах и тропах было значительным достижением классической риторики, однако рассмотрение их только как стилистических приемов значительно сужает их толкование. Одной же из характерных особенностей так называемой «новой риторики», концепции которой (прежде всего,

² Гаспаров М.А. Указ. соч. – С. 41.

известная концепция Х. Перельмана) собственно и стимулировали возрождение риторики в XX ст., является то, что риторические фигуры выступают как аргументы в убеждающем дискурсе. В связи с этим на сегодняшний день достаточно интересным представляется рассмотрение риторических фигур как возможных способов обоснования, с одной стороны, а с другой – как способов убеждения в диалоге. Такое исследование целесообразно провести в общем контексте семиотики и теории аргументации, в тесной взаимосвязи с которыми и развивается современная риторика.

Обращение к такому контексту обусловлено в том числе и тем, что риторика была вынуждена искать теоретические основания в смежных сферах знания. По этому поводу подчеркнем меткое замечание В.Н. Брюшинкина: «Риторика, несмотря на два тысячелетия ее временами интенсивного развития, так и осталась эмпирическим описанием приемов, которые применяются в более или менее успешных образцах убеждающей речи, учением об украшении речи и в лучшем случае более или менее последовательной классификацией этих применяемых на практике способов убеждения»³.

Одним из главных стимулов формирования современной риторики было становление семиотики как междисциплинарной науки. Предметом теоретической семиотики являются естественные и искусственные языки в трех аспектах их функционирования: синтаксическом, семантическом и прагматическом. Осмысление риторических фигур в рамках направления семиотики, заложенно-

³ Брюшинкин В.Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность: Сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 7–8.

го Ф. де Соссюром, получило, так сказать, свое завершение в концепции общей риторики группы μ . Главным ее достижением можно считать как раз систематизацию риторических фигур. Хотя концепция общей риторики группы μ построена в синтаксическом и семантическом измерениях, принципы понимания риторических фигур все равно закладываются в сфере прагматики. В случае металоги́змов как фигур, осуществляющихся на уровне предложения и касающихся смысла, адресант сообщения сначала обращается к объективной реальности, а потом отходит от нее для достижения желаемого эффекта. Для того же, чтобы «... выявить возможный металоги́зм, необходимо обратиться к реальности, сопоставить знаки с их референтами. Если при этом окажется, что знаки не дают верного описания референтной ситуации, можно констатировать наличие металоги́зма»⁴. В случаях же метасемем как фигур, осуществляющихся на уровне слова и касающихся смысла, адресант сообщения «извращает» смысл слов для перехода от одного значения к другому. Представители группы μ отмечают, что метасемемы «...заставляют нас поверить, что человек – это не человек, а лев, краб или червяк. Кот оказывается вовсе не кот, а император, сфинкс или даже женщина. В этом случае поэт, будь то поэт по профессии или по наитию, заставляет нас поверить в то, во что он верит сам, увидеть то, что видит сам, а “фигуры” риторики использует только для того, чтобы “деформировать” (défigurer) знаки языка»⁵.

Следует подчеркнуть, что, описывая сферы движения от чистой формы к чистому смыслу, представители группы μ фиксируют сферы синтаксиса и семантики, одна-

ко специально не выделяют сферу прагматики. С одной стороны, абстрагирование от адресата и сосредоточение внимания исключительно на сообщении и риторической функции (хотя она и является трансцендентной относительно других функций коммуникации, как отмечают представители группы μ) сделало возможным систематизировать риторические операции и исследовать механизмы риторических преобразований на разных уровнях. С другой стороны, для риторики важным остается все-таки влияние на адресата, когда он поверит в то, что кот – совсем не кот, а нечто другое.

Именно эта мысль, лишь вскользь высказанная в концепции общей риторики, имеет важное значение для рассмотрения риторических фигур на современном этапе. Характерной чертой таких способов выразительности является то, что они имеют диалогическую природу. Действительно, в отличие от классической риторики, ориентированной на монолог, отправным пунктом современной риторики является диалог, в котором осуществляется аргументация, понимаемая как деятельность. Именно так рассматривает ее известный представитель прагма-диалектического подхода Ф. ван Емерен: «Аргументация может быть определена как языковая, социальная и рациональная деятельность, целью которой является убедить разумного получателя сообщения в приемлемости какой-либо точки зрения путем выдвижения ряда положений, подтверждающих или опровергающих утверждение, содержащееся в точке зрения»⁶.

⁴ Общая риторика: пер. с фр. /Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986. – С. 240.

⁵ Там же. – С. 225.

⁶ Емерен Ф.Х. ван. Современное состояние теории аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В. Гуаковой; науч. ред. А.И. Мигунов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 14.

При таком понимании аргументации главенствующая роль принадлежит прагматическому измерению коммуникации, т. е. взаимодействию адресанта и адресата. Более того, как пишет А.И. Мигунов, попытка анализа даже элементарных речевых единиц показала, что они имеют сложную структуру значения. Элементы этой сложной структуры свидетельствуют о том, что связь между языком и миром (семантическое измерение) не сводится к отношению соответствия: «Речевое действие не только что-то сообщает о мире, производя высказывание, которое может быть истинным или ложным, но и изменяет мир более или менее эффективно, в зависимости от того, насколько изменения, происходящие в мире в результате высказывания, соответствуют сказанному»⁷. Очевидные, на первый взгляд, границы между семантикой и прагматикой, зафиксированные в концепции другого основателя семиотики – Ч.У. Морриса, все больше размываются.

Главенствующая роль прагматики ведет к тому, что сама риторика, по мнению А.И. Мигунова, как искусство слова превращается в искусство рождения мысли⁸. А риторические фигуры как раз и рожают смысл в разуме адресата. То есть если адресат не воспринимает риторическую фигуру (точнее, если соответствующий смысл не рождается в его разуме), тогда она и не имела места в диалоге, несмотря на все усилия говорящего: «Фигура речи – продукт совместного речевого действия оратора и

слушателя, но последнее слово остается за слушателем»⁹.

Таким образом, в контексте развития семиотики семантическое измерение риторических фигур проявляется в установлении механизмов изменения значений (при переходе от одного значения к другому в сообщении) и деформации экстралингвистической реальности (при сопоставлении сказанного с этой реальностью). Прагматическое измерение риторических фигур проявляется в том, что все эти изменения должны состояться в разуме адресата сообщения, иначе фигура не осуществится в диалоге.

Кроме семиотики на сегодняшний день риторика тесно связана, как указывалось выше, с теорией аргументации. Хотя исторически учение об аргументации было составляющей частью еще классической риторики, на современном этапе они выступают уже как отдельные дисциплины. С другой стороны, теория аргументации пока представляет собой только совокупность разных подходов к изучению данного феномена, и еще рано говорить о теории в строгом смысле слова. В частности, вышеупомянутый Ф. ван Еемерен по этому поводу пишет: «Исследование аргументации пока не привело к созданию признанной всеми теории аргументации. Современное состояние теории аргументации характеризуется сосуществованием нескольких подходов, значительно различающихся по степени концептуализации, охвату проблем и глубине их теоретической разработанности, хотя в конечном счете все современные подходы в значительной мере являются развитием идей античной и постклассической риторики и диалектики»¹⁰.

⁷ Мигунов А.И. О единстве аргументативных и риторических форм обоснования // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 20.

⁸ Там же. – С. 21.

⁹ Там же. – С. 23.

¹⁰ Еемерен Ф.Х. Указ. соч. – С. 15.

Одной из абстракций современной теории аргументации в исследовании аргументативных процессов является понятие схемы аргументации. По мнению Б. Гаррсена, эти схемы представляют собой наиболее общие модели рассуждений, допускающих бесконечное количество вариантов подстановки элементов. В этом отношении они соответствуют логическим схемам рассуждений¹¹. Однако если для логики важными являются формальные характеристики этих схем, например наличие отношения логического следования между посылаками и заключением, то представители прагма-диалектики подчеркивают, что при построении аргументации говорящий рассчитывает на принятие слушателями его тезиса вследствие того, что приемлемость аргументов будет перенесена на приемлемость тезиса благодаря определенной аргументативной схеме. Они выделяют три главные аргументативные схемы: симптоматическую, или аргументацию «признакового» типа; инструментальную, или аргументацию «к последствиям», и сравнительную, или аргументацию «по сходству». Следует отметить, что использование риторических фигур предусматривает в основном применение последней схемы аргументации, когда приемлемость тезиса обуславливается приемлемостью аргумента, утверждающего нечто относительно одного предмета, а потом по сходству переносящего это на другой предмет.

Таким образом, в контексте современной теории аргументации соответствующие аспекты риторических фигур проявляются в том, что они используются как

¹¹ См. Гаррсен Б. Схемы аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахойян, К.В. Гудковой; науч. ред. А.И. Мишунов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 119.

аргументы в сравнительной аргументации. Именно по такой схеме осуществляется поддержка тезиса аргументом, сформулированным в виде риторической фигуры.

Проиллюстрируем специфику риторических фигур как средств аргументации в диалоге на примере литоты. Представители группы μ рассматривают эту фигуру как частный случай металогизма, построенного на операции сокращения: «Говорят о меньшем, чтобы сказать о большем, то есть экстралингвистическую реальность принимают за такую совокупность единиц, от которой при желании можно отсечь какую-то часть»¹². Таким образом, литота выступает как фигура уменьшения из группы фигур сокращения, сущность которой состоит в специальном преуменьшении качества, значимости некоторого предмета. В таком значении литота является противоположностью гиперболе как фигуре увеличения из группы фигур прибавления. Другое значение литоты состоит в том, что она заменяет характеристику предмета, содержащую утверждение, характеристикой, отрицающей противоположное («двойное отрицание»), типа «пресловутый» – «небезызвестный» и т. д. М.А. Гаспаров, в частности, считает, что правильным является это второе значение литоты, а первое характеризует мейосис как фигуру, противоположную гиперболе: «В современных справочниках можно прочесть, что литота есть фигура преуменьшения: это ошибка, здесь она спутана с “мейосисом”, хотя путаница эта восходит еще к позднеантичным временам»¹³.

В данной работе литота рассматривается все-таки как фигура уменьшения, противоположная гиперболе. Рассмотрим в каче-

¹² Общая риторика: пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986. – С. 242.

¹³ Гаспаров М.А. Указ. соч. – С. 46.

стве примера диалог Иисуса с хананеянкой, описанный в Евангелии от Матфея (Мат., 15, 21–28). Этот рассказ показателен и в том плане, что литоту используют оба участника диалога. Свое первоначальное невнимание к просьбе об исцелении дочери женщины-хананеянки Иисус обосновывает тем, что «не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Хананеянка соглашается с этим и далее предлагает такую литоту: «но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их». После этого Иисус исцеляет дочь женщины.

Анализ этого диалога показывает, что литоты как риторические фигуры используются в качестве аргументов схемы сравнительной аргументации. Реконструкция позиций участников диалога может иметь следующий вид: тезис Иисуса – «не исцеляю человека, не принадлежащего дому Израилевому» потому, что «не хорошо взять хлеб у детей дома Израилевого и бросить псам» (аргумент 1) и «исцеление дочери хананеянки подобно бросанию хлеба псам» (аргумент 2). Ответ женщины является контраргументом к аргументу 1 Иисуса: «псы едят крохи, которые падают со стола господ их» и «исцеление моей дочери подобно тем крохам», поэтому «Господи, помоги мне!». Как отмечалось выше, приемлемость тезиса обеспечивается приемлемостью аргумента 1 и перенесением этой приемлемости на тезис благодаря аргументу 2, который как раз и характеризует схему сравнительной аргументации.

В рассматриваемом диалоге преумножение аргумента 1 с помощью литоты приводит к тому, что приемлемость контраргумента обеспечивает приемлемость тезиса, отрицающего тезис другого участника диалога. Формулировка же контраргумента стала возможной благодаря тому, что

мысль, высказанная в первой литоте, родилась в уме женщины. Женщина, в свою очередь, приняла эту «игру» и продолжила ее. То есть риторическая фигура состоялась вследствие сформировавшегося единого когнитивного пространства диалога благодаря совместным усилиям его участников.

Выше отмечалось, что идея рассмотрения риторических фигур как аргументов высказывалась еще в работах Х. Перельмана. Так, в известной работе «Новая риторика: трактат об аргументации», положившей начало современной риторике, Х. Перельман и Л. Ольбрехтс-Тытека относительно метафоры (заметим – любимом тропе риториков и философов) пишут: «Нам, однако, представляется неудовлетворительной любая концепция метафоры, не проливающая света на ее роль в процессе аргументации. Ибо мы полагаем, что лучше всего роль метафоры видна в контексте представления об аналогии как об элементе аргументации»¹⁴. На сегодняшний день разработки в области рассмотрения риторических фигур как аргументов проводятся в направлении скорее общих методологических предпосылок теории аргументации. Прежде всего, это касается разработки критических вопросов, призванных дать возможность оценки использования определенной риторической фигуры как аргумента¹⁵.

Следует подчеркнуть, что подобные исследования осложняются тем, что сам термин «риторика» все еще остается достаточ-

¹⁴ Перельман Х. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» / Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 249.

¹⁵ Примеры подобного рассмотрения некоторых риторических фигур приведены в работе: Tindale Ch.W. Rhetorical Argumentation: Principles of Theory and Practice. – SAGE, 2004. – P. 73–85.

но неопределенным. В каком-то смысле это обусловлено тем, что с самого своего возникновения риторика была весьма синкретичной сферой знания, пытавшейся проследить все этапы мыслительно-речевой деятельности, т. е. как человек познает мир и предъявляет результаты своего познания другим людям. В свете же современного философского знания точнее было бы сказать, что благодаря слову предмет открывается для участников диалога. Тогда риторика выступает не столько как искусство красноречия или даже искусство убеждения, а как искусство рождения мысли. Именно невнимание к эпистемической функции риторики как средства рождения мысли, по мнению А.И. Мигунова, является недостатком большинства современных работ по теории аргументации. Тогда и природа риторических фигур, как отмечалось выше, выглядит по-другому. Риторические фигуры выступают как формы, благодаря которым рождается смысл и формируется картина мира участников диалога. А.И. Мигунов по этому поводу пишет: «Фигура речи рождает определенный смысл, которого без этой формы слова не будет, смысл, который одновременно выражает суть предмета речи»¹⁶.

Подводя итоги, отметим, что в контексте рассмотрения аргументации именно как деятельности риторические фигуры выступают как средства в двояком смысле: с одной стороны – как способы защиты своей позиции участниками диалога по схеме сравнительной аргументации, а с другой – как способы убеждения благодаря рождению смысла в разумах его участников.

¹⁶ Мигунов А.И. Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса // РАЦИО.ru. – 2010. – № 4. – С. 21.

Литература

Брюшинкин В.Н. Аргументорика: исходная абстракция и методология / В.Н. Брюшинкин // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 7–19.

Гаррсен Б. Схемы аргументации / Б. Гаррсен // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В. Гудковой; науч. ред. А.И. Мигунов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 99–122.

Гаспаров М.А. Античная риторика как система / М.А. Гаспаров // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. – М.: Наука, 1991. – С. 27–59.

Еемерен Ф.Х. ван. Современное состояние теории аргументации / Ф.Х. ван Еемерен // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В. Гудковой; науч. ред. А.И. Мигунов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 14–33.

Мигунов А.И. О единстве аргументативных и риторических форм обоснования / А.И. Мигунов // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 19–38.

Мигунов А.И. Соотношение риторических и аргументативных аспектов дискурса / А.И. Мигунов // РАЦИО.ru. Электронный научный журнал. – 2010. – № 4. – С. 3–28. Режим доступа: <http://www.kantiana.ru/ratio/issues/2189/>

Общая риторика: пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др.; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. – М.: Прогресс, 1986.

Перельман Х. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» / Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека // Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 207–264.

Tindale Ch.W. Rhetorical Argumentation: Principles of Theory and Practice / Ch.W. Tindale. – SAGE, 2004. – 224 p.